

18+

Борис Седых

Будни
лейтенанта
Барсукова

Борис Седых

Будни лейтенанта Барсукова

«Издательские решения»

Седых Б.

Будни лейтенанта Барсукова / Б. Седых — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-603357-3

Первые годы становления, как офицера, молодого лейтенанта — наиболее тяжелые, но вместе с тем наиболее яркие и запомнившиеся каждому, кто прошёл этот путь. Это история про Крайний Север, беззаветную любовь к морю и к своему делу, повседневную жизнь подводников на кораблях и на берегу, редкие праздники, крепкую дружбу, любовь, поиск своего места в жизни. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-603357-3

© Седых Б.
© Издательские решения

Содержание

Принцесса Лена Гайда	6
Сверка часов	9
CHALLENGE!	12
Матрос Сайфуллин	14
День Нептуна	15
Позывной «Сейф»	18
Мама	20
Встреча за Полярным кругом	24
Мурманск-130	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Будни лейтенанта Барсукова

Борис Седых

Редактор Измаил Петров

Редактор Светлана Кухарева

Художник Роман Акчурин

© Борис Седых, 2023

ISBN 978-5-0060-3357-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой читатель!

Волею случая и благодаря близким отношениям с уникальным автором прекрасных произведений о жизни подводников Борисом Седых, я стал героем очередного его литературного труда.

Служба на подводных лодках, как и любая другая, полна сложных, ярких, иногда незабываемых впечатлений, и память о ней с годами только усиливается, рисуя чёткие картины.

Хочу сказать всем, с кем я учился в Высшем военно-морском училище подводного плавания имени Ленинского комсомола (ныне существующем только в сердцах его выпускников) и столкнулся по службе на Северном флоте, – большое спасибо за то, что вы мне встретились. В этой жизни ближе и родней людей, чем вы, для меня уже не будет.

Жизнь у всех нас сложилась по-разному: с кем-то в отдельные моменты сводила, с другими разводила, но в своей душе я всегда хранил теплоту ко всем вам, теперь уже немолодым, но по-прежнему своим родным «братанам» – это на всю жизнь!

Капитан 3-го ранга в запасе

Барсуков Игорь Васильевич

«Не служил бы я на флоте, если б не было смешно!»

Принцесса Лена Гайда

Советский ракетный подводный крейсер стратегического назначения (РПКСН) «К-140» – единственный корабль проекта 667А, модернизированный по проекту 667АМ – со скоростью 4 узла продвигается, старательно огибая мыс Нордкап, к берегам Гренландии.

Командиру электронavigационной группы (КЭНГ) лейтенанту Барсукову снится морской сон: безумная интерпретация событий, реально случившихся с телом, – следствие болезненного перенапряжения умственных и физических сил в условиях, максимально приближенных к человеческому стрессу.

...Конец 1987 года. За окнами ресторана живёт уже несколько веков, словно в полудрёме, заснеженный Таллин, похожий на живую иллюстрацию из большой книги сказок Андерсена. Снежинки в виде хлопьев как будто парят в небе, не опускаясь на землю, белоснежные сугробы вдоль аккуратно расчищенных улиц старого Таллина приглушают звуки современного города. Vana Tallinn – советская заграница, замочная скважина в европейскую цивилизацию. Хаотично стоящие средневековые дома с высокими покатыми черепичными крышами образуют маленькие извилистые улицы, соединяясь в кварталы брусчатыми мостовыми.

Два друга-лейтенанта – Бася с Андрюшей Соловьёвым, ракетчиком с питонским прошлым (оба несколько месяцев назад выпустились из ВВМУПП (высшее военно-морское училище подводного плавания), попали в один экипаж и отправились в учебный центр подготовки подводников стратегических ракетных атомных подводных лодок в Палдиски) – в качестве обязательной культурной программы повышения квалификации решили сорваться на выходные в близлежащий эстонский средневековый Таллин.

И вот судьба, благоволив, забросила их в уютный ресторанчик: старинный европейский стиль, полусферой низкие своды, кирпичная кладка, длинные деревянные, на вид XVII века, столы и такие же стулья, невиданная для советского времени того периода по вкусу и качеству кухня, негромкая музыка, заторможенные официанты, водочка со слезой...

За соседним столом большая компания местных – юноши и девушки чинно и чересчур громко болтают по-эстонски, сдержанно, без улыбок, смеются, перед каждым из них пенится по кружке пива. Как можно просидеть целый вечер с одной лишь кружкой и без закуски? Нам, русским, не понять.

Изредка кидая косые взгляды по сторонам, Бася замечает среди группы иностранцев красивую девушку, та тоже смотрит в его сторону, их глаза встречаются, и она свои не отводит.

– Так, есть контакт! – Бася резко поворачивается к своему соседу-«китайцу» (прозвище, прижившееся к ракетчикам ещё с училища). – Дислокация и диспозиция благоприятствуют, Меркурий сегодня в перигее, принимай управление, остаёшься за старшего, я пошёл!

– Какой в пень перигей, Васильич, куда тебя опять понесло? – не желая скучать в одиночестве, «рогатый» предпринимает слабую попытку остановить неожиданно дерзкий штурманский манёвр.

В это время в зале, как по заказу, звучит песня Джорджа Майкла Last Christmas.

Бася поднимается и решительно направляется к столу, временно оккупированному чухонцами.

– Разрешите пригласить вас на танец? – одна рука за спиной, голова в галантном небольшом поклоне, другая рука протянута к намеченной цели, улыбка Бельмондо, выющиеся волосы зачёсаны назад, одет по последней моде – облик молодого человека неотразим и не способен оставить возражения.

За столом иноплеменная речь на несколько секунд интеллигентно смолкает, взгляды обращаются к странной паре: высокий, голубоглазый, но при этом явно русский, навис скалой

над хрупкой блондинкой-эстонкой. Та неожиданно для всех, да и для себя наверное, покорно протягивает руку и даёт себя увести на середину зала, где пара сливается в медленном танце.

Гаснет свет, публика в зале рассеивается, и лишь разноцветные прожекторы цветомузыки направлены на молодую одинокую пару. Бог любит Басю. Он выполнит все его желания, преграды будут сметены неведомой силой, идущей впереди и расчищающей для него жизненную дорожку – элитное училище, командная специальность, боевой экипаж, лучшая военно-морская база. На челе Баси отпечаток благодати, место рядом с ним благословенно, любовь и тягу к себе окружающих людей он принимает как должное.

– Меня зовут Игорь, фамилия Барсуков, а вас?

– Лена Гайда.

– Вы эстонка?

– Нет, финка, – и как бы случайно плотнее прижимается высокой грудью.

Дух Баси мгновенно воспаряет: в шуточных тонах, непередаваемо, как может на этом свете только он один, красноречиво излагает квинтэссенцию прожитой жизни, приведя Лену в плач от смеха, при этом, как истинный юморист, сохраняя нарочитую серьёзность на лице.

Мелодия завершается, но тут весь зал ярко освещается и начинает играть местный эстонский хит – народная песня «Кюрли-пюрли». Посетители ресторана в каком-то безумном веселье срываются со своих мест танцевать. Теперь Бася вместе со всеми, заливаясь по-детски хохотом, от души отплясывает эстонский народный танец. Со старшей группы детского сада он не вытворял подобных кренделей, но ему хочется хоть несколько минут побыть беззаботным невоенным прибалтом: хлопать в ладошки, кружиться на месте, высоко подкидывая колени...

От души наплясавшись, Бася чинно ведёт партнёршу обратно и, благодаря исполненному лучше самих эстонцев танцу, посчитав себя принятым на законных основаниях в компанию, на полном ходу, без прелюдий обращается к сидящим за столом с краткой речью:

– Минуточку внимания, товарищи, – и стучит вилкой по стакану пива сидящего рядом эстонца как раз в тот момент, когда тот хотел сделать живительный глоток, при этом чуть не поперхнувшись, – извините за беспокойство, но попрошу всех немного сдвинуться влево! – чуть ли не с силой двигает скамейку запасных, освобождая место рядом со своей избранницей. – Вот так, спасибо! Тянан! Тянан, товарищи, вы очень любезны!

– Андрюха, давай к нам, ребята нормальные попались! – и смотрит влюблённым взглядом с лёгкой улыбкой на Лену Гайда. – Товарищи эстонцы, прошу подвинуться ещё немного. В тесноте, да не в обиде, как говорят у нас на подводной лодке. А где наш официант?

Пока изумлённый ракетон прокладывает путь к расчищенному стараниями друга месту, Бася рукой подзывает человека, по привычке беря командование застольем на себя, доверительно обращается к очень неспешно подошедшему на его зов с короткой пламенной речью:

– Друг, понимаешь, мы – подводники, приехали с севера, – официант демонстративно делает вид, что не понимает русскую речь, но продолжает терпеливо слушать.

Возбуждённый офицер продолжает:

– Времени у нас мало, так что надо накрыть поляну по полной, неси всё, что у вас там припрятано: рульки, салаты, тарелки – мясную, рыбную, овощную, сырную. Всем повторить по пиву и две водочки, естественно, бутылки, а не рюмки, – и, уже обращаясь к сторонникам европейской умеренности и экономии, которые как-то сразу сникли и, пока Бася вёл разговор с гарсоном, озабоченно и опасливо озирались друг на друга, произносит, положив руку на сердце: – Не волнуйтесь, товарищи, банкет за счёт подводников!

После этих слов у эстонцев от душ отлегло, и веселье стало по-настоящему шумным; под действием русской водки компания неожиданно начала говорить на языке происхождения напитка; оказывается, эстонцы очень любят русских и восхищаются широтой души этого народа; Бася травит один анекдот за другим, не обращая внимания и ничуть не смущаясь, что

смысл юмора, основанный на нюансах его родного языка, до иноговорящих не всегда доходит – главное, ему самому хорошо и весело – всё, как всегда, по-ВВМУППовски...

Дальше в картинке, как в испорченной киноплёнке, начались разрывы, помехи, обрывки кадров – то ли из-за провалов в памяти, то ли из-за каких-то внешних помех со сном.

...Сногсшибающий комплимент: «Поражён вашей красотой, вы моя принцесса, Лена Гайда!» Вот он уже лежит, утопая в мягкой белоснежной постели уютного номера маленькой средневековой гостиницы, на его плече безмятежно покоится белокурая головка принцессы.

На самом интересном месте киноплёнка сна окончательно рвётся.

– *Your bunny wrote*¹, – до его сознания очень медленно начинает доходить незнакомая и почему-то английская речь, Бася ощущает чувствительный толчок в бок, – *Basya, peace duke*².

Дальше стала проклёвываться знакомая русская речь:

– Барсуков! Твою мамку, вставай! Сколько можно валяться? Какой раз тебя будим!

– Не до тебя сейчас, у нас в Таллине с Гайдой всё серьёзно, – отмахиваясь, бормочет Бася, не открывая глаза.

– Учебно-аварийную тревогу объявили по кораблю, ты что, совсем ничего не слышишь?!

Сознание лейтенанта Барсукова постепенно и с неохотой возвращается в земную, а точнее, подводную реальность:

– Где я? Что со мной?

Лежит в позе эмбриона на каком-то вонючем, промасленном, полосатом, в ватных комках матрасе, одет в РБ, на ногах тапочки в дырочку, ПДУ (*портативное дыхательное устройство*) забило между ног, одной лямкой сдавив шею; над ним склонился КГС-2 (*командир группы старта*); Бася смотрит на него полубезумными, непонимающими, красными и воспалёнными от хронического недосыпа глазами.

– Ты просил разбудить тебя через полчаса, – ракетчик годом старшего выпуска участливо и терпеливо, как пьяного, старается привести Басю в чувства и одновременно ввести в курс дела.

Вокруг стоит шум приборов, которые силовыми кабелями, словно вожжами, сдерживают рвущиеся благословить Америку твердотопливные баллистические ракеты Р-31 с ядерным боезарядом; вибрация палубы и переборок дрожью откликается во всём теле; в нос ударяет жуткая смесь различных запахов: масел и многочисленных механизмов; в ушах ощущается пульсация крови, тошнота и слабость – каждая клетка организма требует отдыха и сна, конечности отказываются служить мозгу.

– Ну что вы за сволочи все здесь такие? Я уже третьи сутки не сплю! Дайте человеку, в конце концов, поспать у ёлки!

– *Peace data*³, штурман залетал, ищет твоё брэнное тельце по всему кораблю, злой как чёрт, грозит убить тебя. Мы наплели ему *Who knew*⁴, что ты в корму пошёл, в турбинный отсек, лист дежурного по кораблю закрывать, но долго нам тебя скрывать не удастся.

¹ Твой кролик написал – англ.

² Бася, Герцог мира – англ.

³ Мирные данные – англ.

⁴ Кто знал – англ.

Сверка часов

Согласно вполне официальной версии Бася понёсся сломя голову сверять часы по кораблю, но в четвёртом энергия жизни иссякла – конь Боливар, на котором он скакал по отсекам, не выдержал напора и пал на верхней ракетной палубе. Поскольку все места в каютах ракетчиков были забиты, Басю пристроили на грязном матрасе низших чинов за одной из двенадцати ракетных шахт – ему было всё равно где, лишь бы принять хоть на несколько минут горизонтальное положение.

Корабль несколько дней как вышел в автономку, и Басе надо было кровь из носа закрыть два листа: на самостоятельное несение штурманской вахты и дежурного по кораблю. По меркам военного училища, из которого он всего полгода как выпустился, каждый лист – это пятилетний курс лекций, только без всепонимающих преподавателей, исключительно самоподготовка.

Штурман рвал и метал, ему нужен был сменщик на штурманскую вахту, а у Баси меж тем была масса других обязанностей: начиная от собственной материальной навигационной электронной части, отработок по живучести в третьем отсеке и заканчивая собраниями комсомольской организации, секретарём которой его избрали сразу после первого спуска в прочный корпус.

На «счастье» – невозможное сделать реальным – гармонично наложился управляемый хаос первых дней автономки: учебные тревоги по любому поводу беспрерывно сменялись учебно-аварийными. Когда экипаж разбежался по своим боевым постам, командир метлой и дубинкой спешно старался привести подчинённых в чувство и боевое состояние, пока какой-нибудь дуралей не натворил бед. Поскольку штурман нёс вахту на пару с прикомандированным, Бася на всех тревогах, отработках и грёбаных политзанятиях был вынужден для численного кворума в одиночку представлять БЧ-1. Прибавьте сюда работу с любимым личным составом, и вы начнёте медленно сходить с ума.

Сумма этих факторов и объясняет, почему Бася свалился, не пройдя с обходом и половины корабля. Логично спросить, зачем он вообще пошёл это делать? Ведь сверка корабельных часов в отсеках не входит в обязанности командира электронавигационной группы – поправлять в каждом отсеке и боевых постах стрелки на корабельных часах 5—2ЧМ можно научить любую обезьяну. Безусловно, любой примат освоит этот номер, но только не штурманский электрик матрос Марат Фагимович Сайфуллин!

В заданной точке РПКСН «К-140» принял балласт в ЦГБ (цистерны главного балласта, чтобы лодку под водой сделать невесомой и управлять серьёзным механизмом: горизонтальными и вертикальными рулями) и планомерно ушёл на глубину: сначала погрузился на перископную, а затем, осмотревшись по горизонту и в отсеках, с дифферентом 3 градуса на нос нырнул на сорок пять метров. Всплытие в надводное положение теперь ожидалось только через 90 суток...

Штурман с генерального маршрута начал наносить коридор боевого патрулирования на путевую карту.

– Игорь, давай, пока я тут рисую, организуй сверку часов.

После погружения штурманам надлежит сделать так, чтобы все часы на корабле показывали одно время.

– Гиропост – штурманская! – Бася берёт гарнитуру и вызывает преисподнюю, расположенную на две палубы ниже.

– Есть гиропост.

– Александр Николаевич, – Бася обращается к старшине команды электронавигационной группы (СКЭНГ) старшему мичману Королёву, по возрасту годящемуся ему в отцы, – Сайфуллина в штурманскую.

– Есть!

Через минуту в дверном проёме штурманской рубки материализовалась тень матроса. Уроженец города Чирчик, Ташкентской области Узбекской ССР, татарин по национальности, окончил техникум по специальности «сварщик» – злой колдовской силой он на три года был превращён в штурманского электрика. Худой, тщедушный, рыжий, вечно шмыгающий носом, неухоженный, забитый, но с живыми и хитрыми азиатскими глазами.

– А, Сайфуллин, явился? Вот тебе секундомер, давай дуй в первый отсек, надо по всему кораблю сверить часы. Знаешь как?

– Нет, тащ.

– Что значит нет? Не знаешь, как сверить, или даже часов не знаешь?

– Ничего не знаешь.

– Сайфуллин, ты же в советской школе учился, неужели, что такое часы, не знаешь?

– Ничего не знаешь, – Сайфуллин сокрушённо качает головой.

– Ну-ка, иди сюда. Это какая стрелка? – Бася показывает на маленькую часовую стрелку.

– Ничего не знаешь.

– Ты шутишь? Хорошо, давай по-другому, сейчас проверим тебя на детекторе лжи, – Бася лёгким кистевым ударом Брюса Ли пробивает лукавому татарчонку в районе диафрагмы, – ну, а сейчас вспомнил, что за стрелка? – Бася, как заботливый доктор наклоняется к пациенту, внимательно и участливо заглядывает тому прямо в глаза, стараясь выловить в них хоть намёк лжи.

– Ничего не знаешь, – глаза матроса не подвели, в них сквозь правдоподобно намернувшуюся слезу одновременно читается пустота и безнадёга.

– Сайфуллин, я твой дом труба шатал, понял? – после физического воздействия Бася решил попробовать моральное давление, – если не скажешь, Сайфуллин, что за стрелка, то я в нос тебя чих-пых, понял?

– Ничего не знаешь.

– Глядь! Сучий потрох! Ты ошаурмел, что ли?

В диалог вмешался штурман, которому надоело осквернение святая святых – штурманской рубки – препирательством офицера с тупым матросом:

– Игорь Васильевич, некогда с ним возиться, давай сам стоняй, а затем займись этим вундеркиндом. Сайфуллин, ты на кого учился?

– Сварщик, тащ.

– А ещё чем занимался? – продолжил опрос штурман.

– Дыни выращивал, тащ.

– А дыня – это овощ или фрукт? – Бася тут же решил воспользоваться случаем и уточнить статус интеллекта матроса.

На каверзный вопрос лейтенанта тот скосил хитрющие глазки, говорившие: «Я понял подвох, меня не поймаешь», – и, шмыгнув носом, произнёс:

– У меня был два сорт дынь. Одын овощ, другой фрукт, тащ.

– Всё, Сайфуллин, ёкарный бабай, спускайся в гиропост с глаз моих долой, а то я тебя сейчас изничтожу! Потом тобой займусь, – у Баси руки чесались выбить из басмача душу, но засёк секундомер и побежал рысью по отсекам делать за матроса его работу.

Прошло время. Не в характере Баси спускать дело на тормозах, за горой своих лейтенантских сверхзадач он не забыл про Сайфуллина. К тому же новость о «необыкновенных познаниях» штурманского электрика быстро разнеслась по всему кораблю, Сайфуллин превратился в местную антизнаменитость – позор БЧ-1, штурманской, первой боевой единицы на корабле.

Как-то раз, зайдя в кают-компанию, акустик, сидевший с Басей за одним столом, решил подколоть брата по ядерному оружию:

– Ну что, Игорь, говорят, теперь среди штурманов завелись вредители? Как-то я стал опасаться за навигационную безопасность, – механические офицеры дружно закивали головами, они-то уже давно плечом к плечу воюют с басмачами и хорошо представляют, с какой проблемой столкнулись штурмана, но невольно возникшее чувство солидарности подарило их лицам ехидные улыбки.

Что взять с акустиков? Ограниченные люди. Пять лет обучения в Петродворце – это самые светлые годы в их жизни, стимулирующие интеллект, после которых наступала полная безнадёга – пожизненное заточение в тесной, погружённой в кромешный мрак рубке с наушниками на голове. Они и радисты выползали из ада своих боевых постов какими-то одуревшими и передвигались по кораблю слегка покачивающейся от естественных и искусственных шумов походкой.

Был бы кто-нибудь другой, Бася пропустил мимо ушей тупую шутку, но прикомандированного командира группы акустиков (КГА) он неприкрыто жутко не любил со всей силой пролетарской ненависти врождённого интеллигента за то, как тот ел.

Приём пищи в исполнении двухметрового каплея был омерзителен до тошноты – пищу он не пережёвывал, а отправлял прямо в желудок большими порциями с неимоверной быстротой. Мельхиоровая ложка редкой дробью ударялась о фарфор тарелки, после чего непременно КГА просил добавку, тогда как у подводников ценилась умеренность в еде.

Бася физически его не переносил, поэтому услышать от троглодита, что он, дескать, опасается за безопасность своей утробы со стороны штурманов, стало для него последней каплей, переполнившей чашу терпения. В порыве гнева он хотел надеть кастрюлю с окрошкой акустику на голову, ведь всё равно тот находится вместе с уставшим мозгом в прострации, но пожалел труд корабельного кока.

Окрошка удалась на славу, поэтому неожиданно для себя Бася сказал невозмутимо:

– Мой Сайфуллин – золото, а не матрос, туповат немного, но это поправимо, через месяц вы его не узнаете.

Это был *Challenge*⁵! Сама судьба кинула Басе прямо в лицо перчатку, и он в окружении своих товарищей по оружию отчаянно принял вызов.

⁵ Вызов – англ.

CHALLENGE!

Примерно через неделю плавания Бася сдал на самостоятельное несение штурманской вахты, теперь он прокладывал секретный курс атомохода с 4:00 до 8:00 и с 20:00 до 24:00 так, чтобы, отстояв вахту, успеть ещё чем-нибудь скрасить свой досуг: например, поприсутствовать на бесконечных занятиях и отработках. Сразу после смены в 8:00 он шёл на завтрак, затем спускался по мелким текущим делам в гиropост к своей матчасти, в 9:30 – отработки по борьбе за живучесть, в 11:00 – занятия по специальности или политические занятия, в 13:00 – обед, после обеда устранение каких-нибудь постоянно вылезающих проблем с приборами, за которые отвечал собственной честью, в 17:00 начинался ужин, в 20:00 – опять вахта. На сон приходилось урывать буквально минуты в перерывах между учёбой и текущими важными делами. Стоя же на вахте, он мог полностью себя отдать педагогическому процессу, реализовать недюжинный талант.

Штурманская вахта начиналась с доклада гиropоста.

Бася брал гарнитуру «Каштана» и, нависнув телом над автопрокладчиком, вызывал:

– Гиropост – штурманская.

– В гиropосту по боевой готовности номер два (подводная) заступила третья боевая смена, – докладывал старший смены ТЭНГ-3 Владимир Грейсер по кличке Вова Крейсер.

– Есть, гиropост. Вова, давай Сайфуллина в штурманскую, – так теперь начиналась каждая смена.

Зайчику на карте, обозначающему место подводного крейсера в мировом океане, больше часа предстояло ползти по прямой, навигационный комплекс в строгом инерциальном спокойствии – все три канала выходных навигационных параметров рисовали волны малой амплитуды, как змейки трёх цветов, то расходясь, то переплетаясь вместе; в магнитофоне *Desireless – Voyage, voyage*; кофе из фирменной командирской кофемашины с принципом работы парогенератора заварен для старпома, заступившего на командирскую вахту. С камбуза ожидается вестовой с бутербродным провиантом. Всё под контролем!

Через некоторое время возле порога штурманской рубки начинает ошиваться щуплая фигура штурманского электрика. Вид у военмора плачевный. РБ на два размера больше, бесформенный мешок перетянут ремнями ПДУ и потому топорщится во все стороны. На ногах заношенные тапочки, как лапы у пингвина, вид самый жалкий и печальный. Казалось бы, обнять и плакать, но оставались яркие человекоподобные черты – чёрные как смоль буравчики глаз с лукавством проглядывали из-под нависших бровей.

– Ну что, шайтан-бабай, явился?

Бася в первые дни хотел убить Сайфуллина и по частям избавиться от трупа ненавистного татарина через ДУК (камера для дистанционного удаления камбузных отходов) в районе Гренландии, но, благодаря челленджу, брошенному акустику, матрос остался жить – на перекрёстке дорог, с большим камнем на перепутье, яркий полумесяц и звезда пророка подсветили Сайфуллина извилистую и сильно ухабистую дорожку перевоспитания: ему предстояло кардинально и очень глубоко изменить свою личность, максимально развить интеллектуальные способности, глубоко зарытые среди бахчевых извилин мозга. Возникли убедительные причины самого себя причислить к *Homo sapiens*.

Бросив оценивающий взгляд на вошедшего, Бася решил начать с внешнего вида – негодно штурманскому электрику походить на трюмных из железных и промасленных трущоб турбинного отсека.

– Ну-ка, сынку, повернись, – Бася увесистым шлепком по затылку наклоняет голову матроса, плюёт на палец и протирает им шею – палец от сажи становится аж чёрным.

– Сайфуллин, чёрт, ты когда последний раз мылся? Давай раздевайся, начнём с телесного осмотра. Снимай РБ, не стесняйся, считай меня теперь своим персональным врачом.

Будучи таким образом принуждённым, Сайфуллин послушно стаскивает штаны РБ, под которыми не обнаруживается элементарных трусов.

– Где твои трусы, придурок? – мысленно Бася готовил себя к любым поворотам событий, но такого проявления эксгибиционизма никак не ожидал.

– Я их постирал, тащ, а шайтан украл.

Бася, взирая на незадачливого подчинённого, подумал: «Да, если человеку не везёт, то уж не везёт во всём». Здесь же по «Каштану» вызвал наверх командира отделения, через пятнадцать секунд появился чистый, выглаженный, с иголки, годок:

– Да вы что, тащ лейтенант? Кому нужны трусы Сайфуллина?

Бася решает собрать консилиум – вызывает с гиропоста остальных «докторов-мичманов». Появляются СКЭНГ Александр Николаевич и ТЭНГ-3 Вова Крейсер – оба здоровые детины, те тоже не ожидали увидеть Сайфуллина без трусов в штурманской рубке.

Картина маслом в духе соцреализма: три богатыря с суровыми лицами окружили тщедушного баскака, тот стоит в центре круга в одной куртке РБ и ПДУ, а они думу думают, что с этим чудом им теперь делать, а точнее – с чего начать.

– Так, всем слушать мою команду, – три пары глаз обратились в сторону лейтенанта, – сейчас будем Сайфуллина учить мыться.

Бася, не откладывая дело в долгий ящик, берёт гарнитуру и вызывает пульт ГЭУ (главная энергетическая установка), спрашивает, можно ли срочно помыть матроса. Те дают добро, но предупреждают, что горячей воды не будет.

– Немного не повезло тебе, Сайфуллин, но чистота требует жертв.

Александр Николаевич берёт бедолагу за шкирку и тащит в пятый отсек, в душ. Сайфуллин стаскивает РБ, обнажая обтянутый смуглой кожей скелет – это и понятно, человек на бахче работал, дыни – овощи-фрукты – под палящим солнцем день-деньской собирал.

Кинули бахчевода на деревянный пайол, один мичман держит за руки, другой – за ноги, а офицер трёт нещадно грубой лыковой мочалкой матроса в мыльной пене, кричащего от боли, причиняемой сдиранием кожи вместе с грязью.

– Ты только потерпи, Сайфуллин, а я сделаю из тебя человека. Обещаю, родная мать тебя не узнает, – приговаривал Бася, который в эту минуту начинал испытывать к истязаемому им матросу в какой-то уже глубокой степени родительские чувства.

Затем включили душ и перенесли тело под холодную воду – взбодрить матроса. Процедура повторилась и – о чудо!

Оказалось... Сайфуллин вовсе и не смуглый – по факту смытия мыльной пены предстал чистый и даже розовый, посвежевший как огурчик. Ему тут же выдали новые трусы, носовой платок, который он впоследствии так и не использовал, а продолжал сморкаться в ветошь – но это, как говорится, издержки воспитания.

В качестве вишенки на торте Бася достал ножницы и, не отходя от кассы, собственноручно подстриг чистые рыжие волосы матроса – правда, это было первый раз в жизни, когда кто-то осмелился доверить Басе свою голову, зато теперь Сайфуллин был единственным матросом на корабле, которого персонально стриг офицер.

Из опыта, в общем и целом, привитие любви у матроса к чистоте на подводной лодке занимает примерно месяц. Теперь каждое утро начиналось с осмотра внешнего вида:

– Кругом! Шею показать. Грязная, – дальше следовал булебях по шее, через неделю матрос приучился мыть шею и подобным образом одну за другой все части тела, а через два года из гадкого утёнка матрос превратился в расправившего крылья «лебедя-годка» из славного и достойного племени узбекско-татарского народа.

Матрос Сайфуллин

Автономка монотонно и усыпительно продолжается. Супостат трепещет молекулами собственного страха и патологически, как умалишённый, опасается нашего ракетно-ядерного удара. Другими словами, боится – значит любит.

Параллельно идёт процесс обучения штурманского электрика ВМФ Северного флота, некогда газосварщика, сына татарского народа из города Чирчик, Ташкентской области Узбекской ССР.

Въедливый Барсуков устремился воспитывать гением, а не банальными инструкциями вверенного присягой воина, как родного сына.

Начал с часов.

Барсукову очень не улыбалось бегать по кораблю с секундомером вместо матроса. С горем пополам Сайфуллин выучился отличать маленькую и большую стрелки на часах. Но секундная стрелка его скудному интеллекту так и не давалась. У каждого индивидуума есть свой потолок способностей. Благодаря таланту педагога, Бася сразу нашёл выход – вместо команды: «Внимание по кораблю. Проверка морских, наручных и встроенных часов. Корабельное время 12 часов. Товсь, ноль!» – специально для Сайфуллина отработал особый метод.

Сначала командовал: «Оп!»

Тот отвечал: «Есть оп» – и ставил палец на цифру двенадцать (та, что в самом зените).

Затем ждал, когда секундная стрелка упиралась в натренированный палец, и не убирал клешню, сдерживая красную секундную стрелку, до команды штурмана: «Оп-оп!»

На что матрос отвечал: «Есть оп-оп...» – и отпускал палец.

Таким обходным путём Бася добился, чтобы на корабле бились секунды.

Однажды командир, поднимаясь на ГКП (главный командный пункт, он же «центральный») и проходя мимо люка, ведущего наверх в боевую рубку, услышал сверху переговоры по «Каштану»: «Оп», «оп-оп».

– Штурман, – Кэп ко всем неожиданностям в море относился неодобрительно и настороженно, – кто там у тебя в боевой рубке, чем вы занимаетесь?

– Товарищ командир, индивидуальная работа с матросом Сайфуллиным, отработка сверки корабельных часов.

– А что это за тупые «оп», «оп-оп»? У меня боевой подводный крейсер, а не арена цирка!

– Специфика у нас с ним такая, по-другому не понимает, товарищ командир.

– Ну и как, получается? – усмехнулся командир.

– Прогресс налицо.

– А вот я сейчас сам проверю! И не дай бог в боевой рубке часы врут хоть на секунду, твой штурманец очередные шпидли-вили от меня получит.

Кэп берёт секундомер, снимает текущее время и поднимается в боевую рубку, через пару минут оттуда идёт вызов:

– Молодец, лейтенант, всё бьётся. Пока живите, штурмана.

Всего лишь полтора месяца кропотливой работы лейтенанта Баси превратили матроса Марата Фагимовича Сайфуллина в живую легенду по имени Сейф.

День Нептуна

Шёл 1988 год. Перестройка, начатая Горбачёвым, капля за каплей подтачивала справедливый социалистический уклад в нашей стране, готовила Родину к прыжку с обрыва в пропасть капитализма. Тем не менее советские подводные ядерные силы продолжали сдерживать оголтелый империализм и отважно выполняли поставленные Партией и Правительством боевые задачи.

РПКСН «К-140» продолжал боевое маневрирование в назначенном квадрате Норвежского моря. По времени автономка перешла экватор. В штурманскую зашёл особист.

Бася привычным движением стал лицом к переборке, подняв руки вверх, предоставляя себя для осмотра. Особист профессиональным движением похлопал лейтенанта по РБ, убеждаясь, что штурман не пытается украсть и вынести с подводной лодки секретные документы с целью наживы.

– Можно поворачиваться, гражданин начальник? – Игорь знал, в своих РБ и фуфайках подводники чем-то смахивают на уголовников, особенно когда выстраиваются на пирсе всем экипажем.

– Можно. Ну что, штурман, никто не заходил, не интересовался координатами? – опричник склонился над картой, усталым и пустым взглядом уставился на зайчик автопрокладчика, показывающий место корабля, не понимая, каким образом он оказался и вообще что забыл в этой точке Мирового океана.

– *Ja-ja buss*⁶? Да кому это надо, все и так знают.

– Ты что, Барсуков? Ты мне брось здесь контрреволюцию разводить, знаешь, что за приглашение секретной информации бывает? – пальцами обеих рук делает пистолетики и приставляет их ко лбу штурманёнка.

– Да знаю я всё, Михалыч. Поверь, никто даже не догадывается, где мы плывём. Садись лучше, давай я тебя командирским кофейком угошу. Бутерброд со свиным языком будешь? – Бася достаёт табличку с надписью «Работа с секретными документами», вешает её на дверь снаружи и закрывает штурманскую рубку на замок изнутри, так как трогать командирский кофейник кому-либо помимо самого командира строго-настрога воспрещалось.

– Эх, Барсуков-Барсуков, вижу, можешь вред безопасности Родины причинить – надо тебя расстрелять, надо... но потом... когда у тебя бутерброды закончатся.

Собственно, за этим и заходил особист, знал, что с Басей всегда можно весело поболтать. Он слонялся по кораблю бледной тенью обречённого на вечные скитания духа КГБ, ища крамолу и хотя бы несколько минут простого человеческого общения. Его уставший и вымотанный от постоянного пересыпа вид вызывал искреннее сочувствие и сожаление – человек на несколько месяцев добровольно заточён в прочный корпус, чтобы абсолютно ничего не делать: не нести вахту, не ходить на занятия, даже тревоги его не касались. Такую попытку бездельем могли вынести только проверенные временем внуки Дзержинского.

– Готовитесь ко Дню Нептуна? – непостижимым образом особист всегда в курсе мельчайших подробностей жизни каждого члена экипажа: от матроса до командира.

– Ещё как! Мой Сайфуллин красавчик, приходи посмотреть – это будет лучший номер.

В это время в гиропосту шла усиленная работа. Сайфуллину, как Золушке, предстояло превратиться на один вечер в свой антипод и прославиться. На семейные трусы и кирзовые сапоги для верхней вахты суровой ниткой пришивались три полоски, имитирующие спортивный стиль одежды фирмы *Adidas*, а из картона от овощных коробок мастерился костюм туриста по типу современного Спанч Боба.

⁶ Мини-автобус – эст.

В назначенный день в матросской столовой, расположенной в пятом жилом отсеке, собрался весь свободный от вахты экипаж. Перед этим молодых моряков – впервые вышедших на боевую службу матросов, мичманов и лейтенантов – посвящали в подводники: на ГКП в торжественной обстановке командир давал выпить плафон забортной воды и ставилась печать, вырезанная из плотной резины, – молодым на задницу, а тем, кто постарше, на рубашку – и вручалась именная грамота в память на всю, в дальнейшем бесполезную, жизнь без подводных лодок. После этой торжественной части следовал концерт.

В первом ряду расположился командир – капитан 2-го ранга Пекур Александр Владимирович. Штурманской БЧ-1 предстояло открывать представление: так заведено было во все времена, чтобы развеселить Нептуна, в чьи владения вторглись мореходы, и задобрить главного морского Бога от штормов и иной немилости.

Импровизированную сцену от зала отделял занавес из разовых простыней со штампом в/ч 70063, натянутых между переборок. Когда в столовой уже было негде яблоку упасть, из занавеса строго по центру на длинной тонкой шее появилась голова Баси:

– Товарищ командир, разрешите начинать?

– Начинайте, – настроение у всего экипажа было приподнятое, что не могло не радовать командира.

После чего на сцене в полный рост материализовалась статная фигура Баси – никто не ожидал обнаружить в молодом замученном лейтенанте пропадающий талант великого артиста. В зале раздались дружные хлопки приветствия, в ответ на которые Бася благопристойно три раза поклонился, принимая овации себе лично, а затем, оставшись довольным оказанным приёмом, остановил аплодисменты поднятием правой руки, как настоящий конферансье.

– Уважаемая публика! – Бася вошёл в роль Бубы Касторского из «Неуловимых мстителей».

Он широко улыбался, заложив обе руки за спину, нарочито, академическим театральным голосом продолжил:

– Штурманская боевая часть в полном составе решила принять участие в соревнованиях по культуризму Северного флота, с перспективой замахнуться на чемпионат Вооружённых сил. С первых дней боевой службы в гиропосту открыт тренировочный зал тяжёлой атлетики, где под руководством опытных инструкторов, – в это время на сцену вышли огромные по своим размерам от природы и действительно выглядящие профессиональными культуристами мичмана Королёв и Вова Крейсер, – командиром БЧ-1 разработана специальная методика, благодаря которой в результате бесчеловечных по своей интенсивности тренировок мышечная масса тела подвергается глубокой трансформации и необыкновенно быстрому росту. Результат проделанной работы мы хотим вам продемонстрировать прямо сейчас. Встречайте!

После слов конферансье начала играть бравурная цирковая музыка, под которую появился куб из картона с головой Сайфуллина. Зал дружно взорвался от хохота.

– Посмотрите на этот экземпляр, некогда шуплого матроса, – продолжил Бася, вместо микрофона держа огурец, – перед вами надежда нашего экипажа и всей 31-й дивизии, наш чемпион, приветствуйте – Але! Барабанная дробь... «Железный сейф»!

Сайфуллин, изображая могучего атлета, утопая в огромных сапожищах, на прямых ногах неуклюже прошёлся перед зрителями, давая им возможность хорошенько рассмотреть себя.

Вдруг картонная оболочка как бы невзначай упала, и зрителям предстало тщедушное тельце Сайфуллина, зал разразился новым приступом смеха, а Бася, подойдя к спортсмену, выдал заранее заготовленный текст:

– Посмотрите на эти могучие бицепсы, – Бася огурцом указал публике на согнутую в локте тонкую ниточку руки Сайфуллина, – хорошо развитые грудные мышцы, – огурец упёрся в грудь, Сайфуллин, подобно профессиональным культуристам, поднял согнутые в локтях руки

и, максимально напрягая грудь и живот и скалясь что есть мочи, продемонстрировал пресс и кости.

У командира брызнули слёзы от смеха, а тем временем Бася с серьёзным видом продолжил перечислять достоинства атлета:

– Великолепные икроножные мышцы, – Сайфуллин поочерёдно выставил сначала правую, а затем левую ногу, – и самое главное, – Бася сделал значительную интригующую паузу, – упругие ягодичные мышцы, – Сайфуллин повернулся к зрителям спиной, взявшись руками за резинку трусов, выражая готовность стянуть семейники *Adidas* и продемонстрировать всем мускулистые булки.

Командир не выдержал:

– Всё, Барсуков, хватит, пощади нас, – он с трудом произносил слова, давясь от приступов смеха, – не хочу смотреть на зад Сайфуллина, или в кого вы там трансформировали Сейфа?

Так, командир закрепил за Сайфуллиным пожизненно созвучный его фамилии позывной «Сейф».

Нептун тоже остался доволен оказанным в его честь весельем, и оставшееся время БС (боевой службы) оберегал бравых подводников от всяческих напастей.

Позывной «Сейф»

Потом многие пытались приручить Сейфа, вложить в его мозг нужные навыки, но тот, подобно домашним питомцам, которые выбирают среди членов семьи для себя хозяина, признавал только Басю и отказывался кого-либо слушаться.

Однажды Бася заглянул в штурманскую рубку в то время, когда на вахте стоял прикомандированный с соседнего дружеского экипажа, тоже выпускник ВВМУПП, на год опытней, старший лейтенант Саня Киселёв. Дело в том, что по штату на «азухах» предусмотрено всего два штурмана, поэтому на длительные выходы в море всегда кого-то прикомандировывали, чтобы нести вахту в три смены.

Каково же было удивление Баси, когда он увидел Сейфа, околачивающего порог рубки.

– Сейф, ты что здесь толчешься? Иди в гиропост!

– Меня тащ позвал.

– Саня, на кой тебе Сейф сдался?

– За тебя твою работу решил сделать, – Саня излучал оптимизм и хороший настрой, – у Сайфуллина в заведовании эхолоты, а он, как оказывается, не только принцип их работы не знает, но и глубину погружения от глубины места отличить не может.

У Баси невольно вырвался смех:

– Саш, ты с ума сошёл? – Бася с недоумением смотрел на коллегу, – для Сейфа это высшая математика, его мозг пока ещё не готов воспринимать столь сложные понятия, я тебе как его личный психотерапевт говорю.

– Ну, давай тогда проверим, – Сашка, очевидно, уже продумал методику и хотел на Сейфе её непременно испробовать.

С серьёзным лицом учителя продолжил:

– Так, Сайфуллин, – с этими словами ладонь левой руки выставил перед грудью, – это – подводная лодка, понял?

– Да, – ответил Сейф, зная что слова «Ничего не понимаю» застрянут болью в грудной клетке.

Саша той же ладонью изобразил рыбку, мол, лодка ещё и плывёт, Сейф кивнул в знак, что пока всё понятно.

Удовлетворённый ответом, Саня поднял ладонь правой руки и начал водить над левой ладонью, продолжая объяснение:

– Сверху, – он двигал правой ладонью вверх-вниз, – глубина погружения подводной лодки, – лицо Сейфа напряглось, две ладони с разной информацией были явным перебором, – а снизу – глубина места, которую и измеряет эхолот. Всё просто, понял?

Даже Басе, хорошо изучившего Сейфа, было очевидно, что задача стояла архисложная.

– Саня, да не трать на него своё время, потом я ему сам втолкую.

Но штурманец закусил удила, ему хотелось показать молодому лейтенанту, насколько опытной становится офицер в работе с личным составом всего через год службы.

– Понимаешь, Сайфуллин, – Киселёв перешёл на размеренную речь врача-логопеда, всё ещё сохраняя видимое спокойствие, – эхолот измеряет расстояние между лодкой и дном, – теперь правая ладонь прикомандированного стала дном, окончательно запутав штурманского электрика.

– Это глубин, – сказал Сейф, показывая на правую ладонь.

– Ну? – не понял Саня.

– А вы говорит дно.

Обескураженный Киселёв с недоумением посмотрел на Басю, на что тот только пожал плечами:

– Я лучше не буду вам мешать, пойду на ужин. Смотри, Сейф, не подведи меня, – и подружески пробил кистевым ударом матроса в плечо.

Сначала Барсуков спустился в гиропост, обменялся новостями с мичманами, затем забежал в каюту на верхней палубе второго отсека и переоделся в кремовую рубашку для посещения офицерской кают-компания, которая располагалась здесь же, во втором отсеке, но на средней палубе. И тут Басю осенило, ещё не сделано одно очень важное дело.

Он открыл переборочный люк, ведущий в соседний, первый торпедный отсек, и, просунувшись лишь наполовину, свистнул. На зов выглянул проверенный боец – торпедист Имангазиев.

– Газа, – Бася обратился к нему доверительным, заговорщицким тоном, – командир давно в гальюн ходил?

В первом отсеке располагался командирский гальюн, вход куда был заказан для всех членов экипажа.

Газа понимающе взял спрятанный на кабельной трассе ключ и отпер заветную дверь. Бася любил устроенность, поэтому всегда старался скрашивать свою жизнь маленькими радостями. Помимо того, что, сидя в гальюне, Бася получал максимально возможный в этой ситуации комфорт и сервис, особое очарование процедуре придавал зашкаливающий адреналин от страха быть застигнутым на месте преступления.

У него в голове постоянно крутилась картинка: как-то на ГКП вылез из своей норы – пульта ГЭУ – механический каплей, мозги которого чем-то переклинило, и он с обиженным видом вдруг при всех выпалил командиру:

– Товарищ командир, когда я третьего ранга получу, я уже год переживаю?

На что командир невозмутимо отозвался:

– Всего год? Д’Артаньян двадцать лет в капитанах ходил и не жаловался.

Посещение командирского гальюна могло стоить Басе минимум задержкой на год в присвоении очередного воинского звания... После безнаказанно прошедшего моциона Бася поужинал, в каюте опять надел куртку РБ с надписью «КЭНГ» и, уже совсем забыв про Сейфа, оставленного на растерзание коллеге уж сорок минут как, отправился на штурманскую вахту.

Первое, что ему бросилось на ГКП – смеющиеся лица старпома и вахтенного офицера, которых явно забавляли крики, доносившиеся из штурманской рубки. Они были явно в зрительном зале.

– Сайфуллин, у ёлок, вот это – лодка, твою медь, вот это – дно, бляха-муха, а это глубина, тля. Ты понял, баклан?

Сейф стоял молча, с понурым видом – чем-то он напоминал тихого и привыкшего к побоям хозяев ишачка, упрямо не желающего работать под всевозможными угрозами насилия.

– Ну как? У вас здесь всё нормально? – Бася с деланно миротворческим видом встал, уперев руки в бока, как рефери между враждующих сторон, одна из которых уже держала кулаки наготове.

– Игорь, ёшкин кот, – Саня был вне себя от гнева, – забирай его отсюда нахрен, иначе я его убью.

Басино лицо приобрело задумчивый вид профессора старой школы:

– Уважаемый камрад, только у меня одного есть золотой ключик, открывающий сознание Сейфа, – и как бы возвращаясь в земную реальность, он по-отечески пробил лёгкую двойку в грудь матроса, – вали отсюда, Сейф, я тебя потом всему научу...

Мама

Милая и очень добрая девушка недавно узнала, что скоро станет мамой – произойдёт главное чудо Природы, о котором она все годы столь долго мечтала, думала, боялась. С этого момента она всем своим существом готова служить растущему в ней чаду – любящая, готовая на жертвы. Теперь каждый раз перед сном, закрывая глаза, она старалась мысленно представить картину счастливой взрослой жизни этой крохи, направляя сигнал далеко вглубь Вселенной, чтобы та вернула его обратно на Землю, материализовав во плоти.

Проблема перехода мысли из мира фантазий и её доброго материнского желания в физическом мире заключается в положении планет Солнечной системы на заданную дату и минуту перевоплощения. Но особенно коварен Меркурий – в его власти кардинально исказить чистоту первоначального посыла.

...Ярко-белый солнечный свет заливают всё пространство. Лазоревое штилевое море плавно переходит на горизонте в бескрайнюю синеву неба, с лениво плывущими по нему разнообразной формы кучевыми облаками хорошей погоды; офицерскую кают-компанию большого военного корабля наполняет свежестью тёплый морской воздух, который поднимает белоснежные шторы над иллюминаторами. Её возмужавший кроха-сын играет на фортепьяно что-то из Шопена. Он в белоснежной с золотом морской форме и окружён одетыми подобным образом офицерами из снов других матерей...

Мамы наслаждаются уверенным и лёгким движением пальцев на клавишах и одухотворены музицированием. Если бы не искрящиеся золотом пятиконечные звёзды на погонах, эту сияющую группу вполне можно принять за ангелов, посланных на Землю, – на их лицах кроткие и ласковые улыбки существ, живущих в абсолютной благодати.

Со всех сторон доносится: «Браво, Игорь, восхитительно!»

Примерно через двадцать лет в земном исчислении сигнал, посланный милой девушкой в небо, возвращён Вселенной на Землю изрядно искажённым коварным Меркурием.

Подводный крейсер «К-140», покрытый противогидролокационной чёрной резиной, сливающейся по цвету с тяжёлыми, окрашенными масляными пятнами, тёмными водами бухты Ягельной, пришвартован правым бортом к третьему пирсу. Гаджиево, что в русском Заполярье, героически бодрит окрепшие души защитников Отечества принадлежностью к фамилии славного подводника времён Великой Отечественной.

Начало полярного дня – середина мая, солнце постоянно светит, но не греет, напоминая лампочку в подвале – толку мало, а выкрутить лень, да и некому. Со стороны солнца вместо тепла на лодку падает небольшой снег. Полночь, сук-к-ка-а-а... не вечера, начинается полярный день.

Переборки между отсеками открыты и поставлены на крюк, благодаря чему замполит корабля капитан третьего ранга Стрижов Сергей Иванович из своей каюты, расположенной во втором отсеке, отчётливо слышит отборную нецензурную брань, разносящуюся по всему кораблю многочисленными потоками с центрального поста, – лейтенант Барсуков заступил на дежурство и таким беспардонным образом руководит дежурной службой, одновременно проводя воспитательную работу.

Трёхэтажными оборотами на корабле никого, конечно, не удивишь – но не в таком же количестве из уст флотской элиты! Не в силах стерпеть столь вопиющее насилие над русским языком, Сергей Иванович срывается с налёжанного места и боками ломится на ГКП.

– Барсуков! Вы же секретарь комсомольской организации, как вы можете так ругаться матом?

Бася удивился появлению замполита на корабле у стенки в базе. «Жена, что ли, доступ к телу ограничила политически грамотному офицеру?» – промелькнуло в реактивном мозгу Барсукова.

Отчасти поставленный в тупик отсутствием логики в вопросе, застыл с гарнитурой у рта. Он сейчас дежурный по кораблю, самый главный на крейсере, согласно инструкции, ввиду отсутствия командира (даже старше замполита), сидит на месте вахтенного офицера за столом на ГКП, левая рука на автомате орудует переключателями вызова отсеков.

– Сергей Иванович, вы меня напугали, неожиданно-негаданно появились в полночь на ГКП, так и в могилу свести можно, с супругой поругались? – Бася сочувствует замполиту, искренне не понимая, в чём суть претензии. – Ведь мы же вроде как на флоте.

– Игорь Васильевич, – замполит неожиданно вспомнил отчество Барсукова, – вы на флоте, а материтесь как колхозник.

На самом деле, многие стороны жизни на подводной лодке вызывают ассоциацию с колхозом, но мат как раз в меньшей степени, в этой компоненте подводники далеко ушли вперёд – советским земледельцам и хлеборобам предстояло догонять моряков.

– Товарищ капитан третьего ранга, заметьте, я матом не ругаюсь, я так с матросами разговариваю.

Сидящее за «Шпатором» дремучее механическое чудище, помощник дежурного, с удовольствием наблюдает за диалогом – на долю ночной смены нечасто достаются развлечения, способные помочь побороть всепоглощающую дрему.

– Нет, Барсуков, так не пойдёт, тем более с матросами, вы же офицер! – замполиты на корабле зачастую были вынуждены отрываться на несколько сантиметров от палубы, чтобы, свободно паря в воздухе и совершая пассы руками, направлять моряков на путь непреложного учения марксизма-ленинизма.

– Сергей Иванович, так никто даже пальцем не пошевелит, пока его не обложишь крепко по мамке. Давайте я прямо сейчас эксперимент проведу?

– Что за эксперимент?

– Специально для вас, – Бася поворачивается на стуле к «Каштану», вмонтированному прямо в стол перед ним, переключателем вызывает верхнего вахтенного делано вежливым голосом, – верхний вахтенный, подойдите, пожалуйста, к «Каштану», – и откидывается на спинку стула, уверенный, что ответа не последует.

На ГКП народ с интересом начинает наблюдать за ходом действия – принцип «хлеба и зрелищ» на флоте ещё никто не отменял, и только замполит не понимает, что он уже на подмостках, а остальные в зрительном зале. Проходит секунд тридцать – «Каштан» молчит.

Тогда Бася немного громче и, плотно прижимая гарнитуру ко рту, хорошо поставленным командирским голосом произносит:

– Верхний вахтенный, подойдите к «Каштану»!

В ответ – тишина.

Для чистоты эксперимента Бася в третий раз вызывает «Недремлющее око» с автоматом наперевес, обязанное по первому зову отзываться:

– Верхний вахтенный, подойти к «Каштану»!

Опять тишина.

– Сергей Иванович, вот видите, не понимают они литературного языка великого Тургенева, Тютчева и Толстого, того самого Льва Николаевича.

– Ну и что дальше, Барсуков? – собственно, как знатоку человеческих душ, замполиту понравилась психолингвистическая завязка эксперимента.

Тогда Бася жестом показывает знак «внимание», обозначая продолжение эксперимента, и нарочито нейтральным голосом произносит:

– Раскудрить твоё коромысло в базис и в надстройку, верхний вахтенный, млять!

– Есть ГКП, – ответ последовал немедленно, словно по волшебству, на что все дружно заулыбались.

– Понятно, Барсуков, ты, как всегда, хохмишь, – замполит умел ценить юмор и, уже уходя, как бы невзначай добавил: – Утром занесёшь протоколы комсомольских собраний?

У Баси отвисла челюсть, а глаза стали по рублю с аверсом Владимира Ильича Ленина:

– Сергей Иванович, да вы что? Там же за два предыдущих до меня года восстанавливать надо!

– Барсуков! Если партия сказала: надо, что отвечает комсомол?

– Нет! Убейте, не смогу.

– Ладно, недели хватит?

– Две.

– Только хамить не надо.

– Постараюсь, товарищ капитан второго ранга.

Бася раздосадован, но адаптирован ещё с училища к ненавистному формализму и бюрократизму советской идеологии. А замполит, что с него взять? Работа у него такая – нести в массы истины, в которые сам верит с трудом.

– Эх, мама, мама, знала бы ты, к чему привели твои мечты, – сказал Игорь, обращаясь к своим снам.

Как дежурный, лейтенант Барсуков решил пойти с обходом по кораблю, но на самом деле направился напрямик в пятый – на камбуз – заесть стресс. Спустившись на среднюю палубу, ему навстречу попался бегущий за каким-то лешим басмач-турбинист.

– Боец, стой! Раз, два! – скомандовал Бася, тот вытянулся в позе оловянного солдатика, вжавшись в переборку и слегка зажмурил глаза, – все матросы на корабле, ценя комсорга за его юмор, при встрече ждали какого-нибудь подвоха. Бася, изображая Брюса Ли, кистевым лёгким ударом ладони пробивает бойцу в грудь – тот смеётся.

– ЦГБ продута, замечаний нет. Проходи, свободен, – настроение, испорченное замом, начинало постепенно возвращаться, – у тебя в девятом всё нормально, дуралей?

– Без замечаний, тащ, – и матрос одним махом взлетает вверх по трапу.

– Смотри, проверю, – последние слова прозвучали как два контрольных выстрела в спину наповал.

Встреча за Полярным кругом

Незаметно Земля сделала полный оборот вокруг Солнца. В сентябрьском небе засверкало северное сияние. Первая школьная любовь и любимая жена так и не приехала к нему на Север, отдав навек Москве свою верность. Предательство любимой любому мужчине перенести сложно, а у подводников процесс идёт ещё сложнее, они в большей степени зависимы от противоположного пола – морская служба идёт для тех нормально, кого жена на берегу ждёт.

Не имея семейных обязательств, Бася с головой ушёл в службу – добровольно забил до отказа своё сознание текущими делами экипажа, которые с радостью ворвались и захватили его жизнь, незаметно, исподволь изменяя саму личность.

У каждого корабля есть душа, причём у каждого корпуса свой характер, и эта механическая сущность вовсе не добродушна и не безвредна, как может подумать обыватель, – она подчиняет себе каждого отдельного члена экипажа, заставляя служить для выполнения своей воли, безжалостно избавляясь от неугодных. Бася добровольно превратился в послушного раба «К-140» – он практически перенёс свою жизнь внутрь прочного корпуса, полностью потеряв интерес к пребыванию на берегу.

Периодически хозяин посылал своего раба в гидрографическую службу. Гидрография обслуживала штурманов, начиная от поверки и починки корабельных часов, заканчивая корректурой карт и лоций. Разнообразие и интерес заключались в маленьком путешествии: из Гаджиево надо было доехать сначала до Полярного, где пересесть на катер, доплыть на нём до Североморска, а там по сопкам, с тяжёлой ношей из двух часов в реальных сундуках красного дерева (морских хронометров), переть пешим ходом до штурманских мастерских. Дорога в один конец занимала часа четыре. Пятнадцать минут на передачу груза, и в обратный путь тем же маршрутом.

Был один приятный момент в этом путешествии. Девчонки, ждавшие Басю на складе ради шоколадки и оригинального анекдота, все тайно были влюблены в лейтенанта. Игорь чувствовал к себе интерес, но полностью отдавался любимому крейсеру.

Наступили осенние холода, для офицеров по Северному флоту объявили форму одежды «Шинель, белая фуражка», потому как до октября далече. Взмокший и измученный долгой дорогой, но теперь уже налегке и в приподнятом настроении, так как путь лежал домой, Бася быстрым шагом пересекал благословенный посёлок Полярный, приютивший дизелистов.

Вот уж кто действительно имеет полное право считать себя настоящим героем-подводником, так это только те, кто ходил в море на дизельной лодке – любой дурак сможет выйти в море на комфортабельном атомоходе, но далеко не каждый отважится элементарно погрузиться на перископную глубину, находясь внутри прочного корпуса проекта 641 «Б», когда то там, то здесь из всех щелей вам в лицо брызжут многочисленные струйки забортной воды, а у вас в голове просыпалось бессознательное, с которым вы сделать ничего не можете, а оно надрывается у вас прямо в мозгу: «Кто-нибудь, вытащите меня срочно из этой консервной банки. Я не хочу так глупо умирать!»

В общем, Бася искренне уважал братьев с дизелях, но служить там ни за какие коврижки не согласился бы. Каково же было его удивление, когда на вершине очередной сопки он нагнал Андрюху Шнеера – собрата по высшему училищу. Тот, держа в руке чемодан, шёл счастливый, ведя жену к новому месту проживания.

Заочно Бася, как и всё окружение Шнеера, знал невесту друга по рассказам, особенно как Андрюха мотался в самоходы из Ленинграда в Калинин (ныне Тверь) на папиной «копейке», правда, никто не видел принцессу вожделения. Шнеер за два последних года обучения в училище всем уши прожужжал про необыкновенную Викусечку, свою несравненную и единственную. Он только так её называл, соответственно, и друзья её так прозвали. Каждый раз, возвра-

щаясь со свиданий, он делано счастливым видом показывал всю силу своей романтической влюблённости к единственно достойной – его серые глаза смотрели задумчиво и томно, он беспричинно мог расхохотаться, при этом подходил к кому-нибудь, обнимал за плечи и глубоко вздыхал, положив свою голову на голову друга.

Все ему говорили:

– Да, Андрюха, ну ты везунчик, девочка-мечта, дочь капитана первого ранга, командира лодки – уж у тебя тыл будет надёжно обеспечен, ни у кого такой нет, – от этих слов Шнеер светился счастьем.

Бася, увидев друга, закричал издалека:

– Андрюха! Ты? – и, сблизившись стремительным шагом, обнял брата, галантно поклонился супруге, скоро ставшей для всех сестрой. Молодожёны взаимно обрадовались встрече, потому что в училище Басю все любили.

И тут прямо без перехода, с места в карьер, что характерно для моряков, потерявших связь с береговой реальностью, Бася вопрошает:

– Хотите свежий анекдот?

Теперь уже механический и жестоко-циничный дух «К-140», завладевший сознанием Баси, продолжил:

– Середина (пип-пип) девятнадцатого века, просыпается в своём имении помещик с бодуна, вызывает к себе денщика и говорит ему: «Ванька (пип-пип), бегом сюда!»

Тот прибегает.

– Ванька (пип-пип), угадай, что я хочу?

– (Пип-пип) рассол, вы же вчера выпивали?

– Нет.

– Тогда водочки холодной и солёный огурчик.

– Нет.

– Ванька постоял, постоял (пип-пип), затем снимает портки и говорит: «Жениться вам надо, Емельян Петрович».

На этом месте Бася театрально поворачивается к молодой паре спиной, наклоняется буквой «Г» и задирает полы офицерской шинели. Затем вскакивает и, буквально надрываясь от смеха собственной же шутки, кидает прощальное «пока» и убегает.

Если утончённая провинциалка Вика, приехав только утром из Ленинграда, до встречи с Басей пребывала в шоке первых впечатлений от вида развернувшейся перед её глазами картины депрессивной убогости посёлка, где ей предстояло провести лучшие годы жизни, то теперь она пребывала в ужасе от степени культурной деградации друзей её мужа, в среде которых ей предстояло возвращаться, – её глаза, рот, да и всё лицо, приобрели форму буквы «О».

Андрюха просто не ожидал от брата такой низкопробной глупости – во вмупповской среде чётко дифференцировалось общение с женским полом, при девушках будущие офицеры флота даже матом старались не ругаться. Шнеер стоял и обтекал, стараясь вспомнить, за какую провинность Бася мог ему подложить такую гадость – ему стоило больших трудов затащить эту Любимую к себе на Север.

Бася же, ломая ноги, понёсся дальше, подгоняемый нечистой северной силой, но счастливый и довольный тем, каким смешным и по-своему изысканным анекдотом из жизни русского дворянства девятнадцатого века порадовал друга и его молодую супругу. На лодке этот мини-моноспектакль пользовался неизменным успехом, сопровождаемым слезами от смеха. Он мог, конечно, рассказать и другой анекдот из той же серии, но тот был немного пошловат, ибо про поручика Ржевского.

В тот раз Бася добрался до Гаджиево успешно, общаясь с гражданскими, особенно с девушками, довольный собой и любовью к нему окружающего благодарного мира...

По возвращении Бася неожиданно встретил Искандера Додонова – ещё одного собрата по ВВМУПП. Тот недавно получил новое назначение на 667 «Б» в лучший экипаж флотилии командира Лашина – никто не сомневался, что лет через пять Искандер должен оказаться в Главном штабе ВМФ в Москве – у него дорожка наверх расписана с рождения, и он точно следует по установленному плану.

– Сканя, привет! Ты откуда такой, что у тебя с головой, придурок, опять косишь от чего-то? – Искандер стоял в фуражке с перевязанной белым бинтом головой через подбородок, как при контузии гранатой.

Искандер находился ещё в той стадии, когда людям произошедшие с ними неприятности вовсе не кажутся такими уж смешными и забавными, как всему окружению. Он стоял с унылым видом и смотрел в ответ как на придурка на угорающего Басю, к тому же у него раскалывалась голова, но ему тоже необходимо было свободное ухо излить душу.

– Не поверишь, ночью сдавал зачёты, носился как сумасшедший, изучал корабль, и вот проходит старпом, я за ним, его же не обгонишь, перелезает через переборку, а я вслед ему, он меня не заметил и дверью по жбану со всей силы, пипец как больно, я обвис прямо в переборочном проёме – ноги в третьем, а голова в четвёртом, старпом по кораблю объявил: «Аварийная тревога, лейтенанта, глядь, убили», прибежал начмед с берега, не знаю, кажется, я терял сознание, доктор голову перевязал, отвёл меня в медпункт, теперь домой, завтра в госпиталь на обследование.

Пока Искандер рассказывал, Басю разбирал то хохот от глупости инцидента, то жалость к другу – Искандер действительно выглядел ужасно.

– Сканя, ты меня извини за грубость, но башка-то хоть цела у тебя? – взглянув на больного, Бася опять начал смеяться, судорожно надрывая животик.

Искандер смотрел на Басю как на больного, но с серьёзным видом и думал: «Кто на лодке служил, тот в цирке не смеётся».

Мурманск-130

Декабрь 1988 года. Элита советского флота – лейтенант Барсуков, штурман подводного ракетноносца – лежит на старом, продавленном в нескольких местах диване с геолокацией: угловая однокомнатная квартира номер пять на втором этаже обтрёпанного семью злейшими, какие только могут существовать на свете, ветрами дома номер тридцать три (в таких местах название улиц не имеет значения, достаточно просто указать номер дома), в обойдённом Богом уголке Земли Мурманске-130 – населённом пункте, не имеющем привычных географических координат (широты и долготы), живущем лишь в душах и воспоминаниях подводников, его населявших, а потому не пытайтесь привязать данный географический феномен к конкретному месту на карте.

Читающие эти строки имеют полное право смело осудить быт и нравы, царившие в городке, основанном неведомою силой за полярным кругом, но имейте в виду, никто из его жителей даже в мыслях не держит перед вами оправдываться или каяться – это была их жизнь, ошибки, их сермяжная истина и правда, – за всё сполна заплачено лучшими годами, отданными стране и морю.

Басин дом, в параллели с другим таким же образуя букву «П», примыкал торцом к заднему фасаду школы, где в своё время потерял детство наш брат по 513-й каюте ВВМУПП Игорь Верх. Школа окнами выходила на Дом офицеров (ДОФ), их разделяла большая площадь.

Напротив школы, как полагалось в Стране Советов, стоял памятник вождю мирового пролетариата: естественно, в кепке, но почему-то в расстёгнутом пиджаке с по-хулигански заложенными в карманы брюк руками – он всем своим неформальным видом как бы посылал напутствие будущим поколениям: «Товарищи краснофлотцы! Будьте проще!» – что подводники через два колена не без успеха и претворяли в жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.